

Воспоминания капитана 1 ранга в отставке д. т. н. профессора кафедры "Реакторо и парогенераторостроение" Санкт-Петербургского Государственного Политехнического Университета Благовещенского Анатолия Яковлевича.

В 1954 г. в связи с принятием в Советском Союзе решения о строительстве атомных подводных лодок было начато формирование двух их первых экипажей, которые были направлены на специальную подготовку в Лабораторию "В" (так в то время назывался ФЭИ им. А.И. Лейпунского) на первую Атомную Электростанцию, пущенную 27 июня 1954 г., с последующим переходом на строительство и испытания натурального наземного стенда -прототипа корабельной ядерной энергетической установки для первых атомных подводных лодок.

Мне, молодому офицеру, выпускнику Высшего Военно-Морского Инженерного Училища, посчастливилось быть назначенным в эту группу, которую называли "группой Л.М. Жильцова" (старпома 1-го экипажа, впоследствии командира, Героя Советского Союза за подлётный поход на Северный полюс в 1962 г., контр-адмирала, ныне покойного). В рамках данных воспоминаний нет необходимости перечислять состав нашей группы и давать какие-то персональные характеристики, так как это уже ярко, качественно сделано другими авторами, в частности, Л. Осипенко, Л. Жильцовым, Н. Мормулем в книге "Атомная подводная эпопея" 1994 г., Н. Мормулем в книге "Атомные уникальные стратегические " 1997 г.

Я коснусь лишь своих личных впечатлений о том периоде, который отношу к категории незабываемых. Несмотря на то, что приказ о назначении на должность в состав экипажа атомной подводной лодки был подписан в августе 1954 г., на объекте мы появились только в ноябре из-за большого количества организационных формальностей, включая процедуру переодевания в гражданскую одежду, так как сам факт нашей принадлежности к ВМФ был строго засекречен. Офицерские удостоверения личности были изъяты и взамен их выданы персональные документы, из которых следовало, что каждый из нас является сотрудником предприятия п/я 276, а паспорт и военный билет хранятся на предприятии.

Самые первые впечатления были связаны с ореолом таинственности, которым были окружены все наши действия. Города Обнинска тогда не было, условное название городка атомщиков - "Малоярославец-1". Сразу у железнодорожной станции на въезде в лес (дома начинались далеко и не были видны) висел устрашающий аншлаг "Объект В" МВД СССР. Запретная зона, въезд и выезд только по специальным пропускам" (однако, настоящая запретная зона начиналась только поблизости от здания Института и защищалась жестким пропускным режимом). Городок поразит, нас своей необычностью: красивой архитектурой жилых зданий. Дворца Культуры, лесным массивом, в который вписывались все постройки, тесно соседствуя с толстоствольными хвойными и лиственными деревьями. Загадочное здание Главного корпуса Института за высокой железной оградой, великолепная "дача Морозова", являвшаяся гостиницей и рестораном, нестандартная планировка городка - всё это в комплексе поражало своей индивидуальностью (которая, к сожалению, была во многом утрачена в период последующего стандартного городского строительства).

Руководство объекта - Заместитель директора Иосиф Титович Табулевич, Начальник службы режима объекта Иван Сидорович Лейтан, Начальник Первого (секретного) отдела Пётр Адамович Величенков встретили нас приветливо и заботливо, разместили в благоустроенном общежитии, ввели в курс жизни объекта. Для "холостяков" жилищная проблема была решена сразу, а "женатикам" (к этой категории относился и я) наше Военно-Морское Командование объявило, что мы находимся в "автономном плавании" и о приезде жен "Не может быть и речи !"

С первых дней пребывания на объекте мы были вовлечены в очень напряжённую систему профессиональной подготовки, включающую лекционный курс в Институте (ныне ФЭИ) и практическую подготовку непосредственно на АЭС. Вводные лекции прочитали руководители Института: Директор Дмитрий Иванович Блохинцев. Научный руководитель 1-ой АЭС Андрей Капитонович Красин. Успешному освоению теоретических курсов, которые нам читали учёные-физики Л.Н. Усачёв и Г.Я. Румянцев, способствовало то, что некоторые из нас уже слушали лекции по ядерной физике и радиохимии на специальных курсах в Военно-Морской Академии Кораблестроения и Вооружения им. А.Н. Крылова.

Оправдал себя применённый метод практической подготовки на АЭС. Руководство станции - директор Н.А. Николаев, Главный инженер А.Н. Григорьянц, его заместитель Н.В. Звонов встретили нас дружелюбно, но вместо ожидаемой растянутой по времени аудиторной подготовки поступили с нами достаточно жёстко. После краткого периода лекций по устройству реактора и технологических схем нас расписали по несколько человек в смены, обязав в сжатые сроки подготовиться и сдать экзамены на допуск к работе под наблюдением и к самостоятельной работе в соответствующих должностных категориях. Я попал в смет, где начальником был Владимир

О &-

Андреевич Ремизов, его заместителем - Илларион Александрович Садовников, старшим инженером управления ядерным реактором — Владимир Михайлович Шмелёв, инженером управления - Григорий Васильевич Мерзликин.

Вскоре, в связи с переводом Н.В. Звонова на другую работу, на должность и Главного инженера был назначен Г.Н. Ушаков, специалист высокого класса, прекрасный организатор, с которым у нас по линии руководства АЭС было наиболее тесное взаимодействие. С тех пор прошло полвека, но память цепко хранит особенности того яркого периода нашей деятельности. Невозможно забыть доброжелательную душевную атмосферу, которая царила в смене. О дуэте - Володя Шмелёв и Гриша Мерзликин (к сожалению, рано ушедший из жизни) можно писать очень много. Большие друзья, высокие профессионалы, отличающиеся внутренней культурой, тонким чувством юмора, весёлостью характера, задавали радостную тональность в работе, доставляющей большое удовлетворение. Я им очень признателен за пройденную школу, сделавшую меня на всю жизнь патриотом атомной энергетики. Подготовка была напряжённой. Мне по моей должности предстояло в короткий срок пройти 4 этапа: сдача экзаменов на работу в должности инженера управления под наблюдением и самостоятельно, а затем, по такой же схеме, - на должность

старшего инженера управления ядерным реактором. После сдачи экзамена приказом оформлялся допуск на выполнение соответствующих функциональных обязанностей. Экзамен продолжался в течение всей смены - 8 часов.

Самым ответственным был экзамен на допуск к самостоятельной работе старшим инженером управления реактором. Я его запомнил на всю жизнь. Экзаменовали меня Б.Б. Батуров и В. .VI. Шмелёв. Володя, несмотря на нашу дружбу, был очень жёстким экзаменатором. Вопросов, как по основным системам АЭС, так и по вспомогательным, было много. Я хорошо помню вопрос, на который не смог дать правильного ответа, но по совокупности экзамен сдал успешно. Несмотря на напряжённость работы, в ней были и очень весёлые моменты. Система охлаждения СУЗ (СУЗ- I, СУЗ-П, СУЗ-Ш, СУЗ-IV), схема которой была достаточно запутанной, особенности её функционирования было нелегко запомнить. Этот вопрос не давал покоя Главному инженеру А.Н. Григорьянцу. Утром Артём Николаевич подходил к В.М. Шмелёву, обнимал его за плечи, подводил к секции пульта со словами: "Володя, расскажи". Володя подробно рассказывал, Артём Николаевич удовлетворённым уходил, а на следующий день всё начиналось с начала. И так много раз. Артем Николаевич был очень технически грамотным специалистом, но эта "головоломка " лишала его покоя, а нам давала возможность шутить, говоря: "Володя, сейчас к тебе придёт Григорьянц ".

Очень тёплые воспоминания сохранились от встреч с Б.Г. Дубовским. Борис Григорьевич, уникальный человек, - участник пуска 1-го реактора в СССР в ЛИПАНе (ныне РНЦ "Курчатовский институт") в 1946 году, энтузиаст экспериментатор, человек исключительного личного обаяния. Он часто использовал нас для работы на физсборках или приходил на пульт управления АЭС, предлагая провести какие-нибудь эксперименты, связанные с нейтронно-физическими характеристиками реактора. Отказать ему было невозможно. Положение осложнилось, когда персонал за незапланированные сбросы аварийной защиты стали наказывать (лишать премии за "безаварийку"). Тогда, чтобы не сталкиваться днём с начальством, Борис Григорьевич стал приходить по ночам. Как сейчас помню его стоящим лицом к операторам, облокотившимся на панели пульта, агитирующего за проведение "очень важного для науки эксперимента". И даже в этих осложнённых административных условиях он добивался своего.

Сохранился в памяти приезд летом 1955 на АЭС большой группы американских сенаторов. Этот визит стал возможным, благодаря правильному решению правительства - приоткрыть завесу секретности над работами в области мирного атома для пропаганды успехов СССР и консолидации усилий с другими развитыми странами в общих интересах. Визит пришёлся на нашу смену. Не знаю, что чувствовали другие работники, но я был преисполнен гордостью за страну и радовался своей причастности к этому большому важному делу. Впечатления от вида сенаторов были неожиданными: думали увидеть пожилых, чопорных джентльменов в официальных дорогих костюмах, а увидели парней среднего возраста, спортивного вида в очень простой грубошёрстной одежде, энергичных, любознательных, динамичных. Естественно, мы были поражены большим количеством красивых, дорогих автомобилей, которых до этого никогда не видели.

Местные природные условия располагали к занятиям физкультурой: плаванье в реке Протва, волейбольные игры, зимой - прекрасные лыжные маршруты.

Активным спортсменом и болельщиком был директор Д.И. Блохинцев. По должностному статусу при нём всегда должен был находиться охранник (офицер спецслужбы). Охранников было несколько. Они работали посменно и труд их был нелёгким. Дмитрий Иванович отличался высоким ростом и хорошей физической подготовкой. Один из охранников был достаточно щуплым, неспортивным; было смешно и одновременно грустно наблюдать, как он, выбиваясь из последних сил, с трудом поспевал на лыжах за идущим лёгкими размашистыми шагами Директором. На моих глазах был случай, когда Д.И. Блохинцев стоял рядом с волейбольной площадкой во время игры болая за своих, которые играли против нашей команды. Неожиданно, от очень резкого, жёсткого удара, мяч попал в лицо Дмитрию Ивановичу, который не успел защититься, но отреагировал невозмутимо спокойно. На бледном, обескровленном лице оцепеневшего охранника в последовавшей немой сцене был запечатлён страшный испуг. Вероятно, по инструкции он должен был броситься под мяч (как под пулю, гранату и т. п.), но не смог этого сделать.

Не могу не вспомнить и о тягостных впечатлениях того периода. Был 1954 год, только что закончился Сталинский период, но ГУЛАГ ещё существовал, строительство атомных объектов на промплощадке предприятия осуществлялось силами заключённых, которых холодной зимой 1954 - 55 года каждое утро вели на работу колонной в окружении солдат с собаками. Если автобус, везущий нас в утреннюю смену, не успевал проехать от города до промплощадки раньше колонны заключённых, то всю дорогу мы их сопровождали, не имея возможности обогнать. Картина была страшная: плохая одежда, окрики солдат, лай собак. Этот моральный прессинг был снят, когда в 1955 году летом лагерь был ликвидирован.

Легенду об "автономном плавании" наши жены восприняли отрицательно, нам было без них скучно, и мы добились разрешения привезти семьи и поселиться в деревне Обнинское. Что многие и сделали. Моя жена закончила Ленинградский Технологический Институт им. Ленсовета и была принята на работу в химическую лабораторию АЭС. Картина была контрастная: в деревне мы жили "при лучине", так как, несмотря на близость к Москве, деревня не была электрифицирована, а на станции мы работали в условиях производственного комфорта, блеска, чистоты в лучах ламп дневного света. Через некоторое время, благодаря заботливому, внимательному отношению к нам со стороны руководства объекта (нельзя не вспомнить добрым словом ИЛ. Табулевича), семейные офицеры получили комнаты в квартирах основного жилищного комплекса на Центральном проезде (в будущем проспект Ленина). Это была вершина бытового комфорта нашей жизни того периода (такая категория, как отдельная квартира, тогда в наших мечтах даже не присутствовала и относилась к области фантазии).

С работой на станции в нашей группе и у меня лично всё ладилось, трудовая деятельность на переднем рубеже науки и техники на первой в мире АЭС доставляла большое творческое удовлетворение, каждый день обогащал новыми знаниями и опытом. Мы были молоды, полны энтузиазма, нас переполняло чувство гордости за нашу науку, технику, за страну, которая в условиях разрушенной экономики уже через 9 лет после окончания войны с фашизмом сумела первой в мире ввести в строй атомную электростанцию. Мы ощущали себя первопроходцами в этом Великом деле. Было известно, что отдельные учёные института сомневались в наших возможностях быстрого

освоения научно-технических аспектов нового вида энергетики, необходимых для квалифицированной самостоятельной ответственной работы. Не будет нескромным сказать, что эти сомнения очень быстро рассеялись и наши друзья-коллеги по работе на станции давали высокую оценку уровню нашей профессиональной подготовки.

Правда, у меня на этом "радужном" фоне были и "проколы". На всю жизнь запомнил я случаи, когда по моей вине был сорван пуск реактора. В соответствии с распоряжением Главного инженера, мы должны были выводить реактор на мощность в 6 часов утра. Ночная смена - скучная. Для разнообразия я решил "поиграть" перемещением экранов пусковых ионизационных камер, привод которых имел три кнопки включения: "Вверх", "Стоп", "Вниз". Не дождавшись индикации крайнего положения, я, минуя кнопку "Стоп", нажал кнопку обратного перемещения экрана, в результате чего он "завис" в неопределённом неуправляемом положении. В условиях ночной смены разобраться в электросхеме и найти причину отказа привода не представилось возможным. Можно себе представить, как начальник смены Владимир Андреевич Ремезов на мой лепет "по идее ничего не должно было случиться" отреагировал адекватно на очень ярком русском языке, несмотря на то, что мы уже были дружны даже семьями (наши жёны работали вместе в химической лаборатории). Вывод реактора на мощность был перенесён на дневную смену после устранения причины отказа (замены сгоревшего предохранителя).

Оглядываясь на прошлое через 50 лет, трудно подавить ностальгию по тому периоду нашей биографии. Вспоминаю с глубокой благодарностью и теплотой не только непосредственных наставников: В.М. Шмелёва, Г.В. Мерзликина, В.А. Ремизова. И.А. Садовникова, но и других сотрудников, с которыми были частые производственные и дружественные контакты: В.А. Жильцова, Р. В. Тимошенко, Б.Б. Батурова, Л.А. Кочеткова, В.П. Коночкина, А.М. Маслёнкина, Т. И. Колыженкову, П. В. Смогалёва и других.

Глубокая благодарность и вечная память руководству Института: Д. И. Блохинцеву, И.Т. Табулевичу, А.К. Красину, его учёным, руководству и специалистам АЭС, друзьям, коллегам, давшим нам уникальную профессиональную подготовку и не дожившим до сегодняшних дней.

С директором АЭС НА. Николаевым мне посчастливилось впоследствии неоднократно встречаться, когда он был в новом качестве начальника 16-го Главка Минсредмаша.

50-летие мирного атома - День Рождения Первой в Мире АЭС, считаю не только большим праздником России, но и нашим Золотым семейным праздником.

После стажировки на АЭС все офицеры «группы Жильцова» проходили курс обучения для основной своей работы • пуска и эксплуатации наземного прототипа ядерной энергосилового установки 27/ВМ аналогичного паропроизводительной установке двух первый АПЛ.

По этой тематике курс лекций и других занятий проводили с ними специалисты из Курчатовского института Николай Андреевич Лазуков, Борис Андреевич Буйницкий, Георгий Алексеевич Гладков и Геннадий Романцов.

Водо-водяной корпусной реактор установки 27/ВМ и по физике, и по технологии коренным образом отличался от канального водографитового реактора Первой АЭС и поэтому офицерам нужна была очень фундаментальная подготовка к эксплуатации этой системы.

Так цикл лекций по физике реакторов 27/ВМ молодым офицерам читал Борис Андреевич Буйницкий. Лекции морякам по конструкции и технологии реакторной установки 27/ВМ читали также представители конструкторов НИИХИММАШа Н.П. Дорофеев и Ю.М. Булкин.

Некоторые специфические лекции по вопросам установки 27/ВМ были прочитаны специалистами ЛИПАН персоналу здания 150, где был размещен стенд 27/ВМ.

Начальником службы режима на объекте п/я 276 был в то время Иван Сидорович Лейтан. Он строго следил, чтобы моряки ни по поведению, ни по одежде не «высвечивались» вне времени, когда они находились на работе.

Интересно отметить, что Иван Сидорович Лейтан, хотя по профессиональной принадлежности мог на многое влиять, никогда не повышал голос, не грозил и был на удивление приятным, внимательным и обходительным человеком. Вообще я должен сказать, что нам тогда повезло со службой режима. Начальником первого отдела объекта был Петр Адамович Величенков. Тоже на редкость хороший человек, всегда стремившийся не затруднить нашу работу, а в пределах своих возможностей облегчить её и упростить громоздкие формальности. И низовой персонал первого отдела на самом здании 102 (на самой АЭС) был очень кооперативен и существенно облегчал нашу повседневную работу с секретной документацией. Сейчас модно «пинать» работников режимных служб, но я считаю, что многое в этом неоправданно и несправедливо. Многие из них честно и правильно выполняли свою работу и не заслуживают теперешних обвинений.